

И. А. КРАВЧУК*

ORCID ID: 0000-0002-6799-1967

**«ПЕРМСКИЙ СЛЕД» В «БЕСАХ»:
СТРУВЕ — ПРОТОТИПЫ ЛЕМБКЕ?**

Аннотация: В статье развивается гипотеза, согласно которой возможными прототипами супругов фон Лембке в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» являются пермский губернатор Б.В. Струве и его жена А.Ф. Струве (урожденная Розен). Во время работы писателя над романом Струве стал фигурантом крупного скандала, вызванного сенаторской ревизией в Пермской губернии. «Пермский след» в «Бесах» рассматривается в контексте полемики славянофилов, панславистов и М.Н. Каткова с дворянскими конституционалистами из редакции газеты «Весть», а также споров вокруг проекта административно-полицейской реформы А.Е. Тимашева.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Бесы», прототипы, Лембке, Нечаев, Верховенский, Струве, Катков, «Московские ведомости», административно-полицейская реформа, «Весть», славянофильство, панславизм, консерватизм.

I. KRAVCHUK

“THE PERM CONNECTION” IN DOSTOEVSKY’S “DEMONS”:
ARE STRUVE PROTOTYPES OF LEMBKE?

Annotation: The article develops a hypothesis according to which the Perm governor B. V. Struve and his wife A. F. Struve (nee Rosen) are possible prototypes of von Lembke’s spouses in F. M. Dostoevsky’s novel *Demons*. During the writer’s work on the novel, Governor Struve became a defendant in a major official scandal caused by a senatorial audit in the Perm province. “The Perm Connection” in *Demons* is considered in the context of the polemic of Slavophiles, Pan-Slavists and M. N. Katkov with noble constitutionalists from the editorial office of the *Vest’* newspaper, as well as disputes over the draft administrative-police reform of A. E. Timashev.

* Игорь Александрович Кравчук, магистр филологии, стажер ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; Igor Alexandrovich Kravchuk, Master of Philology, intern at IRLI RAS. uznik.kravchuk@yandex.ru

Key words: Dostoevsky, *Demons*, prototypes, Lembke, Nechaev, Verkhovensky, Struve, Katkov, *Moskovskie Vedomosti*, administrative and police reform, *Vest'*, Slavophilism, Panslavism, Conservatism.

Проблема прототипов — одна из самых сложных и интригующих в изучении творчества Достоевского. Хорошо известно замечание А. С. Долинина, писавшего, что герои писателя — «большой частью создание художественного воображения, лишь в малой мере опиравшегося на людей из окружавшей его действительности»¹. Изучение черновиков Достоевского не позволяет в полной мере согласиться с этой оценкой. Скорее уместно говорить о неоднородном генезисе персонажей писателя: внутри одной и той же фигуры может сосуществовать несколько прототипов, несколько слоев литературных, бытовых и исторических аллюзий, которые иногда дополняют друг друга, а иногда друг с другом спорят.

Обширный материал для подобных наблюдений предоставляет роман «Бесы». В этой статье мы продемонстрируем подобную «генетическую неоднородность» двух, казалось бы, хорошо изученных действующих лиц — губернаторской четы фон Лембке — и предложим свой вариант их вероятных прототипов. В основание нашей гипотезы будет положен детальный анализ одного из небольших отрывков, оставленных Достоевским на страницах третьей записной тетради к роману (РГБ, ф. 93, I.1.5). Нельзя сказать, что ранее этот фрагмент был обойден вниманием комментаторов. И все же, на наш взгляд, исторический контекст этого текстового отрывка не получил должного научного освещения.

Вначале напомним историю изучения проблемы. Долгое время в достоеведении безусловными прототипами супругов Лембке считались Павел Трофимович Баранов (1814–1864) и его жена Анна Алексеевна Баранова (урожденная Васильчикова) (1827–1890). П. Т. Баранов занимал должность тверского военного и гражданского губернатора в те годы, когда в Твери отбывал ссылку Достоевский. Прототипом же Блюма, таким образом, можно считать Н. Г. Левенталя — чиновника по особым поручениям, служившего у Баранова. Подобного взгляда на персонажей «Бесов» придерживались Н. Ф. Буданова и М. С. Альтман². Относительно недавно эта гипотеза встретила возражение С. А. Кибальника: «Баранов немало сделал для Достоевского, и, в частности, активно содействовал тому, чтобы писателю было возвращено право проживать в Петербурге <...>. Было бы странно после всего этого пародировать его в “Бесах”»; насколько известно, Достоевский не относился к числу людей, которые отплачивают за помощь черной

¹ Долинин А. С. Последние романы Достоевского: Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.; Л., 1963. С. 163.

² См. XII, 224, 227; Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. Саратов, 1975. С. 75–80.

неблагодарностью»³. Кибальник выдвигает собственную версию: взаимоотношения губернатора фон Лембке и Петра Верховенского, представляющие собой тонкую игру покровительства и манипуляции, напоминают реальные взаимоотношения генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского и отбывавшего ссылку в Иркутске М. В. Буташевича-Петрашевского. Помимо Муравьева и Петрашевского, отмечает Кибальник, «иркутская “генеалогия”» героев романа «включает в себя также и ассоциации с военным и гражданским губернатором Иркутска Карлом Венцелем»⁴.

Доводы ученого представляются достаточно убедительными, однако мы считаем, что галерея прототипов Лембке может быть расширена. Подход Кибальника предполагает рассмотрение конкретного героя Достоевского не в отдельности, а в системе характеров, организующей сюжет. Так, образ губернатора берется в сцепке с образом его визави — Петра Верховенского (либо Нечаева — его «предшественника» в черновиках к «Бесам»). При этом пропускается еще более очевидная сцепка: «Андрей Антонович — Юлия Михайловна». Даже беглое ознакомление с биографическими источниками обнаруживает полнейшую противоположность между взаимоотношениями супругов Муравьевых и супругов Лембке. В «Бесах» губернатор — мужчина слабый, легко поддающийся чужому влиянию, мечтатель, втайне сочиняющий роман о торжестве добродетели и семейном счастье. Его жена — честолюбивая, гордая женщина, которая всеми силами стремится способствовать карьере супруга. Она не чужда авантюризму и охотно примеряет на себя лавры властительницы дум, хозяйки влиятельного интеллектуального кружка. Совершенно другими предстают перед нами Николай Николаевич Муравьев и его жена Екатерина Николаевна (урожденная де Ришмон): «По свидетельству знавших Екатерину Николаевну, — писал историк И. П. Барсуков, — она была чрезвычайно красива, умна и образованна. Характера она была мягкого, ровного, добрая сердцем и отличалась любовью к своему новому отечеству. При безграничной любви к жене Муравьев поддавался ее влиянию, не ослабевшему и в последние годы его жизни, и нельзя не сказать, что при пылкости характера Муравьева это влияние было всегда в своих результатах хорошим, подчас умиротворяющим»⁵. Тепло отзывалась о графине Муравьевой в своих воспоминаниях и М. Н. Волконская — жена декабриста С. Г. Волконского, делившая с ним сибирскую ссылку⁶.

³ Кибальник С. А. Нечаевцы или петрашевцы? (О прототипах главных героев романа Ф. М. Достоевского «Бесы») // Неизвестный Достоевский. 2020. № 2. С. 127.

⁴ Там же. С. 128.

⁵ Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (Материалы для биографии). Кн. 1. М., 1891. С. 163.

⁶ См. Волконская М. Н. Записки [Приложение] // Волконский С. М. О декабристах. Разговоры. М., 2019. С. 297.

Кто же еще может быть зашифрован в лицах губернатора и губернаторши? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся наконец к ранее упомянутому нами фрагменту из третьей записной тетради. Этот набросок Достоевский озаглавливает «Взгляд Нечаева на ход внутренней политики». Вот он: «Попытка ретроградства, попытка усиления губернаторской власти, например, — все это *нам на руку* (волнения). Все эти реформы нынешнего царствования произвели лишь то, что и надо произвести — волнения.

NB₁. Но только дело в том, что Нечаев предполагает в правительстве умысел — нарочно произвести волнения и безначалие (подражание действиям Наполеона во Франции), чтоб захватить власть в свои руки.

NB₂. Мысль Шатова о русском царе и о том, что русскому царю нечего бояться.

Прочсть “Моск<овские> ведомости” о пермских делах и об усилении губернат<орской> власти. Нечаев экспозирует это в собрании или Князю. Он ему говорит: “Кто это у них (в правительстве) умная голова, т. е. я бы ее поцеловал!”» (11, 262–263).

Упоминанию французского императора Наполеона III (а в тексте подразумевается именно он) мы посвящаем отдельную статью⁷. Здесь же ограничимся лишь необходимыми пояснениями. «Нарочно произведенные волнения» и «безначалие» явно указывают на переворот 2 декабря 1851 г. Законодательство провозглашенной в 1848 г. Второй Французской республики ограничивало право баллотироваться в президенты одним сроком. 10 декабря победу на президентских выборах одержал принц Луи Наполеон Бонапарт, желавший любой ценой удержать в своих руках верховную власть. У президента была сильная карта: Национальное собрание вводило чувствительный имущественный ценз для участия в выборах. В противовес парламенту Наполеон рекламировал себя как храброго защитника всеобщего избирательного права, народного лидера. В то же время Луи Бонапарт заручился поддержкой так называемой «партии порядка» — напуганных гражданскими потрясениями парижских буржуа, боявшихся надвигающихся разгула социализма и анархии. Над этими сторонниками Бонапарта Достоевский иронизировал в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863): «Выручил Наполеон III. Он как с неба им упал, как единственный выход из затруднения, как единственная тогдашняя возможность» (5, 82).

2–4 декабря 1851 г. по Парижу были расклеены прокламации, в которых президент просил у народа поддержки в его противостоянии с парламентом; сам парламент был распущен, а наиболее опасные для Наполеона политики были немедленно арестованы. Манифестации против узурпаторов были подавлены с показательной и непропорциональной

⁷ Kravchuk I.A. The ghost of the nephew: Napoleon III in “The Demons” by F.M. Dostoevsky // The Dostoevsky Journal. 2021. No. 22. P. 150–183.

жестокостью. Переворот не только открыл Бонапарту дорогу к следующему президентскому сроку, но и устранил препятствия на пути к осуществлению его главной мечты — провозглашению Второй империи, что и случилось примерно год спустя. Pamфлетисты подчеркивали, что Наполеон III с самого начала раскалывал французское общество, злонамеренно стравливая между собой ветви власти, партии и классы ради личной выгоды. В своем классическом тексте «Наполеон Малый» изгнанный бонапартистским режимом из Франции Виктор Гюго писал: «...после 2 декабря, когда преступление было совершено, необходимо было обмануть общественное мнение. Переворот стал кричать: “Жакерия!” — подобно тому убийце, который кричал: “Держи вора!”»⁸

Очевидно, эту же технологию направляемого недовольства, рукотворного социального конфликта хотел бы перенять в своей политической практике у Достоевского и Нечаев. Но на какие же силы должно было опереться «18 брюмера по-русски»? Вернемся к анализируемому отрывку из третьей тетради.

Написан он был не раньше января 1871 г. — на это указывает сам Достоевский, ссылаясь на статьи «Московских ведомостей», идентифицированные исследователями как статьи в № 12 и 13 за 16 и 17 января. Как известно, газета Каткова была одним из тех русских изданий, которые Достоевский регулярно читал за границей⁹, поэтому далее мы будем опираться преимущественно именно на тексты из «Московских ведомостей». Впрочем, оба сюжета, о которых пишет Достоевский в тетради («пермские дела» и «усиление губернаторской власти»), к началу 1871 г. были хорошо известны всей читающей России, причем воспринимались они в неразрывной связи друг с другом. Ниже мы покажем, что соседство Наполеона и Перми в черновиках к «Бесам» далеко не случайно.

В начале марта 1870 г. в Пермь с ревизией был направлен один из опытнейших имперских сановников, сенатор П. Н. Клушин, некогда сам занимавший должность пермского губернатора. Первоначальная причина ревизии заключалась в неудовлетворительном ходе крестьянской реформы в этом регионе. Особенностью уральских промышленных районов было преобладание горнозаводских крестьян, прикрепленных к местным заводам, как частновладельческим, так и казенным. При их раскрепощении большую роль в получении земельных наделов и льгот играло то, к какому разряду относился тот или другой работник. Горнозаводские крестьяне могли считаться сельскими работниками или мастерами. Сельский работник был фактически обычным землепашцем, время от времени занятым на подсобных работах при заводе, тогда как мастерской трудился по преимуществу на заводе. На практике эта

⁸ Гюго В. Наполеон Малый // Гюго В. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5. М., 1954. С. 119.

⁹ См. письмо Достоевского Н. Н. Страхову 9 (21) октября 1870 г. и комментарий к нему А. И. Батюто (19, 150, 446).

система открыла широчайший простор для произвола, так как земельный надел мастерового во многом регулировался владельцами предприятий¹⁰. Сельских работников скопом переводили в разряд мастеровых, чтобы сэкономить на и без того скудных и неплодородных земельных отрезках, а также удержать при себе дешевую рабочую силу¹¹. К произволу при зачислении горнозаводских крестьян в сельские работники или мастеровые прибавлялось самоуправство при межевании наделов¹².

Все это вылилось в беспрецедентный конфликт между крестьянами с одной стороны и губернскими и ведомственными чиновниками с другой. «Крестьяне и горнорабочие Урала отказывались принимать уставные грамоты и уплачивать установленные оброки, не брали отведенных наделов, прекращали работать за прежнюю заработную плату. Бывали случаи столкновений между военными командами и бывшими крепостными. Иногда крестьяне толпами и группами нападали на мировых посредников»¹³. В течение 1860-х гг. законодательство неоднократно менялось в пользу горнозаводских крестьян¹⁴, но все же социальное напряжение оставалось достаточно высоким. К махинациям с земельными наделами прибавлялось неумелое и просто разорительное управление горными заводами, выживание которых часто целиком зависело от протекционистских мер и субсидий правительства¹⁵.

Упразднение крепостного права усугубило положение собственников, которые больше не могли экономить на даровом труде¹⁶. Расплачиваться за убытки заводовладельцев были вынуждены заводские работники, подчас терявшие и место на заводе, и землю, и в любом случае стремительно нищавшие и буквально умиравшие от голода¹⁷.

Тяжелая ситуация в горнопромышленных регионах вызвала раскол и в правительственных кругах. Сенаторская ревизия должна была разрешить накопившиеся противоречия и установить причины экономического и социального кризиса, охватившего Пермскую губернию.

¹⁰ См.: Дополнительные правила о приписанных к частным горным заводам людям ведомства Министерства финансов // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы. М., 1989. С. 357.

¹¹ См.: Дружинин Н. М. Сенаторские ревизии 1860–1870-х годов (К вопросу о реализации реформы 1861 г.) // Исторические записки. 1966. Т. 79. С. 165. См. также статистику по разрядам горнозаводских крестьян в: Горовой Ф. С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961. С. 214–215. Табл. 23.

¹² См.: [Зайончковский П. А.] Комментарий // [Валуев П. А.] Дневники П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. Т. 1. М., 1961. С. 418.

¹³ Дружинин Н. М. Сенаторские ревизии 1860–1870-х годов. С. 165.

¹⁴ См.: Горовой Ф. С. Падение крепостного права... С. 228.

¹⁵ См.: Безобразов В. П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869.

¹⁶ См.: Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. М., 1922. С. 238. См. также: Горовой Ф. С. Падение крепостного права... С. 268–274.

¹⁷ См.: Флеровский Н. Положение рабочего класса в России. СПб., 1869. С. 310.

Результаты ревизии привели к всероссийскому скандалу. Из сведений, собранных Клушиным, выяснилось, что речь шла о дискредитации и срыве важнейших государственных реформ и превращении Пермской губернии в подобие юридического анклава. Еще летом 1870 г. на общественную важность ревизии указывали «Отечественные записки»¹⁸. В октябре 1871 г. журнал «Вестник Европы» опубликует обстоятельный разбор пермских происшествий с выразительным названием «Дореформенная губерния». Сенаторская ревизия будет в ней охарактеризована как «одно из наиболее крупных событий во внутренней нашей политике за последнее время»¹⁹. Смысл заголовка раскрывался следующим образом: «...ревизией была открыта, так сказать, “дореформенная губерния”, которая <...> сохранилась как будто нарочно для того, чтобы нагляднее судить о различии прежних и новых порядков»²⁰.

Согласно выводам ревизии, в губернии процветало всевластие чиновников и полицейских. Халатность доходила до абсурда: простейшие следственные действия затягивались на несколько лет; в делопроизводстве, официальной переписке, архивах царили волокита и беспорядок. Воюющий пример административного нерадения находим в передовице «Московских ведомостей»: «Одно из найденных мертвых тел 28 дней пролежало под палящим летним зноем и под караулом из 8 крестьян; другое пролежало полгода, и крестьяне построили вокруг него частокол»²¹. Полицейские не брезговали ни прямыми поборами, ни растратами, ни откровенным грабежом состоятельных жителей губернии. Распоряжения правительства, призванные ускорить проведение в жизнь крестьянской реформы, саботировались. Деятельность земства и нормальная работа судов были парализованы. «Целые учреждения упразднились в Пермской губернии сами собою», — с изумлением констатировал М. Н. Катков²².

Впрочем, дело заключалось не только и не столько в коррупции и произволе. Самоуправство опиралось на авторитарный стиль управления, отличавший действия региональной администрации. Нарушение принципа разделения властей и полная безнаказанность привели к построению полицейской диктатуры в масштабах отдельно взятой губернии. Полицейские и чиновники, на которых подавались жалобы, не только не несли ответственности за содеянное, но и представлялись

¹⁸ Д. [Демерт Н. А.] Наши общественные дела // Отечественные записки. 1870. № 11. С. 69.

¹⁹ Ч. [Чупров А. И. ?] Дореформенная губерния // Вестник Европы. 1871. Т. V, № 10. С. 629.

²⁰ Там же

²¹ Московские ведомости. 1871. 15 января. № 12. Цит. по: Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1869 год. М., 1897. 836 с.; Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1870 год. М., 1897. 812 с.; Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1871 год. М., 1897. 863 с. (далее — *Собрание*), 34.

²² Там же.

к наградам. Полиция подчинила собственным интересам продажу спиртного, практиковала вымогательство и обыски в домах богатых купцов. В ответ на участвовавшие протесты губернское начальство развернуло настоящую войну против населения, устраивая предварительные аресты на основании непроверенных сведений, массовые высылки из губернии по признаку неблагонадежности и, наконец, бессудные порки. Розгам подвергались не только лица, которых законы империи ограждали от телесных наказаний, но даже жители губернии, не состоявшие ни под судом, ни под следствием. «Один из помощников исправника жестко высек мещанина за то, что последний не хотел отпустить к нему свою шестнадцатилетнюю дочь. Сеченье производилось иногда массами. Какой-то обоз не свернул с дороги пред исправником, и сорок человек возчиков были разом высечены, и притом так, что один из них готовился уже к переходу в другую жизнь и исповедовался»²³. На статье «Московских ведомостей» откликнулся и М. Е. Салтыков-Щедрин. В публицистическом цикле «Итоги» (1871) писатель сравнивал поведение пермских властей с поведением администрации «где-нибудь в завоеванном крае»²⁴. Случай с высеченными возчиками, очевидно, лег в основу пародийного рассуждения повествователя в февральской книжке «Отечественных записок»²⁵.

Разные авторы предлагали разные объяснения тому, что происходило в губернии. Наиболее зловещие выводы делал Катков, видевший в пермских безобразиях прежде всего дискредитацию государственной власти. Он особо выделяет случаи, когда власти карали заводских работников и крестьянских уполномоченных за жалобы на несправедливые действия своего начальства. Катков подчеркивал, что уполномоченные не подстрекали никого к беспорядкам, а пользовались возможностями, которые предоставлял закон. В пример приводилась история уполномоченного и волостного старшины из Каслинской волости, которые подали прошение великому князю Владимиру Александровичу. В прошении излагались факты нарушения договоренностей владельцами заводов, избобличался чиновничий произвол. Жалобщикам отомстили незамедлительным арестом и длительным следствием по сфабрикованным показаниям. «Итак, — заключает Катков, — за задачу прошения Великому Князю обвиненные присидели в тюрьме два года»²⁶.

Действия губернатора и его подчиненных напомнили Каткову о проекте административно-полицейской реформы, который был представлен на рассмотрение Комитета министров главой МВД А. Е. Тимашевым в январе 1870 г. В общих чертах тимашевская инициатива предполагала существенное усиление губернаторской власти: в подчинении

²³ Московские ведомости. 1871. 16 января, № 13 (*Собрание*, 36).

²⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Итоги // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 7. М., 1969. С. 440. Далее в тексте — *Салтыков-Щедрин*.

²⁵ См.: Там же. С. 438–439.

²⁶ Московские ведомости. 1871. 16 января, № 13 (*Собрание*, 36).

губернатора оказывался губернский административный совет, собранный из высших должностных лиц губернии. Кроме того, под прямой контроль главы региона ставилась полиция. По оценке Ю.В. Тота, проект Тимашева был одним из прообразов контрреформ эпохи Александра III²⁷. Непосредственным же источником самого замысла, как указывает Тот, была служебная записка «О современном состоянии городских и уездных полицейских управлений», поданная начальником отделения департамента полиции Д. А. Поливановым директору департамента П. П. Косаговскому 26 ноября 1869 г. Суть предложений Поливанова состояла в первую очередь в передаче органов крестьянского самоуправления под надзор полиции. Согласно резолюции на рапорте Поливанова, записка была направлена министру уже 5 декабря 1869 г., а 26 декабря Тимашев представил императору всеподданнейший доклад, содержащий основные положения намеченных преобразований. «Таким образом, в МВД, несомненно, велись работы по подготовке проекта полицейской реформы, и Д. А. Поливанов принимал в них самое активное участие»²⁸.

Покушение, совершенное Д. В. Каракозовым на Александра II 4 (16) апреля 1866 г., существенно охладило реформаторские настроения в правительственных кругах. Не случайно самый успешный проект, призванный укрепить институт губернаторства, был подготовлен членами комиссии, расследовавшей обстоятельства покушения: недавним виленским генерал-губернатором М. Н. Муравьевым, министром внутренних дел П. А. Валуевым, новоиспеченным начальником Третьего отделения П. А. Шуваловым и министром государственных имуществ А. А. Зеленым. Все четыре сановника стояли за ужесточение административно-полицейского надзора на местах. Оппонентами четверки в правительстве стали председатель Комитета министров П. П. Гагарин, военный министр Д. А. Милютин, министр юстиции Д. Н. Замятин и министр финансов М. Х. Рейтерн²⁹. Таким образом, вопрос о губернаторах буквально расколол имперское правительство.

Бурные обсуждения, развернувшиеся как при дворе, так и на заседаниях Комитета, увенчались законом 22 июля 1866 г. Компетенция губернаторов расширилась, был оговорен порядок губернаторских ревизий. Однако в целом закон далеко не оправдал ожиданий сторонников реформы. Положение попытался исправить П. А. Валуев. 12 февраля 1868 г. он подал на имя Александра II новую записку «О положении губернаторского управления», в которой вновь призвал самодержца сделать губернаторов полноправными «хозяевами губерний». Записке,

²⁷ См.: Тот Ю. В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2003. С. 296–297.

²⁸ Тот Ю. В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке. С. 282.

²⁹ См. об этом: Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х — начале 80-х гг. М., 1991. С. 51–61.

впрочем, было не суждено облечься в форму закона. Дальнейший ход административных реформ, как показывает историк М. М. Шумилов, вынудил губернаторов вести постоянную борьбу с правительственными учреждениями, выборными городскими органами и земством³⁰.

Будущее тимашевского проекта было предрешено. Приведем характерный отзыв Д. А. Оболенского. Вплоть до 3 марта 1870 г. Оболенский трудился под началом Рейтерна, а затем стал товарищем министра Зеленого. 9 февраля 1870 г. Оболенский пишет о проекте в дневнике: «Это такое безобразия, что трудно поверить. <...> По всей вероятности он будет забракован. Журналистика подхватила теперь этот вопрос и разбирает его беспощадно. Быть может, Тимашев почувствует, наконец, свою неспособность и удалится. Тимашев есть довольно верный тип людей, которым после каракозовской истории поручено управление делами»³¹. В самом деле, план Тимашева был Комитетом министров отклонен.

Уже тогда в общественное обсуждение административно-полицейской реформы включился М. Н. Катков. На страницах «Московских ведомостей» он выступил с вежливой, но принципиальной критикой подобных преобразований: «...реформа, о которой идет речь, оказалась бы контрреформой, реакцией против новых, едва начавшихся порядков, уничтожением того, что сделано у нас со времени крепостного права»³². К этой же теме Катков возвращается и год спустя в статьях, посвященных итогам клушинской ревизии. С изрядным сарказмом он изображал пермского губернатора практическим последователем идей Тимашева. Частный случай послужил удачным поводом для отповеди контрреформаторским настроениям в правительственной и дворянской среде. Далее мы убедимся, каким внимательным читателем Каткова был Достоевский.

Важным практическим следствием сенаторской ревизии стало отстранение от должности пермского губернатора с последующим разбирательством. Здесь необходимо назвать, наконец, имя «хозяина губернии». Им был не кто иной, как Бернгард Васильевич Струве (1827–1889), отец известного политического деятеля, экономиста и философа П. Б. Струве. Выпускник Александровского лицея, Струве служил чиновником по особым поручениям при главе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства Н. Н. Муравьева-Амурского, затем руководил Якутским областным и Иркутским губернским правлениями³³. И. П. Барсуков относил Струве к кругу «избранных» подчиненных генерал-губернатора, пользовавшихся особым доверием шефа³⁴.

³⁰ См.: Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х — начале 80-х гг. С. 66–70.

³¹ Оболенский Д. А. Записки. СПб., 2005. С. 214.

³² Московские ведомости. 1870. 9 февраля, № 32 (Собрание, 95).

³³ См.: Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск, 2010. С. 129.

³⁴ См.: Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский... Кн. 1. С. 193.

В. А. Должииков, ссылаясь на неопубликованные материалы В. И. Вагина, пишет, что Муравьев сознательно окружал себя молодыми служащими из числа лицейстов³⁵. Как объясняет Н. П. Матханова, стиль управления Н. Н. Муравьева отличало недостаточно четкое распределение полномочий между губернскими чинами. Подобная практика, с одной стороны, приводила к частой неразберихе и выяснениям отношений между гражданскими и военными управляющими, а с другой стороны, давала простор инициативе, так что сноровистый молодой назначенец мог быстро обратить на себя внимание начальства и выдвинуться. Нельзя не изумиться стремительной карьере вчерашнего лицейста: «...приехав титулярным советником, в 1849 г. Струве стал коллежским ассессором, а в 1850 г. — надворным советником. Решающий шаг к губернаторскому креслу был сделан в декабре 1851 г., когда Муравьев отправил Струве в Якутск, где ему поручалось осуществить реорганизацию управления и временно управлять областью»³⁶. Должность председателя Иркутского губернского правления, по сути, была вице-губернаторской. «Таких молодых (ему исполнилось 26 лет) людей на столь важных и ответственных постах в России больше не было, и вообще возраст подавляющего большинства (82%) вице-губернаторов превышал 40 лет. Поскольку иркутский губернатор К. К. Венцель обычно замещал часто отсутствовавшего генерал-губернатора, то председатель губернского правления соответственно заменял его»³⁷. В Сибири произошла встреча Струве с Петрашевским³⁸, с которым они были знакомы еще по Лицею. В 1855 г. блестящая деятельность под крылом Муравьева внезапно пресекается. Причины этой перемены сам Струве объясняет уклончиво: «Видно, много было Муравьеву написано и наговорено против меня...»³⁹ По мнению Н. П. Матхановой, решающую роль в размолвке между генерал-губернатором и председателем правления сыграл острый конфликт между военной и гражданской властью. Струве, прибывший в Сибирь из Петербурга в самый разгар этих «баталлий», неудачно исполнял роль посредника и навлек на себя всеобщее раздражение⁴⁰.

³⁵ См.: Должииков В. А. М. А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860-х гг.). Барнаул, 2018. С. 245–246; Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. С. 148–149.

³⁶ Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. С. 151.

³⁷ Там же. С. 153.

³⁸ Подробно и неприязненно описанная самим Струве: Струве Б. В. Воспоминания о Сибири, 1848–1854 гг. СПб., 1889. С. 110–111.

³⁹ Там же. С. 178.

⁴⁰ См.: Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск, 1998. С. 160. Сам Струве описывает конфликт в своих воспоминаниях, см.: Струве Б. В. Воспоминания о Сибири. С. 106–108.

В 1856–1861 г. Струве работал в Астрахани, последовательно занимая кресло вице-губернатора, а затем губернатора. В этой должности в 1858 г. он принимает Александра Дюма во время его знаменитого путешествия по России. Крушение административной карьеры Струве рассматривает один из биографов его сына — известный американский историк Р. Пайпс. Касаясь ревизии П. Н. Клушина, Пайпс пользуется сведениями из статьи «Вестника Европы», рассмотренной нами ранее. Большой интерес представляют собой сведения, добытые им о жене Бернгарда Васильевича — Анне Федоровне Струве, урожденной Розен. «Это была весьма темпераментная особа с недопустимо властными манерами. После этой женитьбы отношения Струве и Муравьева сложились таким образом, что Струве считал за лучшее сказать больным и просить о переводе»⁴¹. Пайпс пишет о репутации «нарушительницы спокойствия» и «склочницы», закрепившейся за госпожой Струве и прервавшей карьерный взлет ее мужа⁴².

Одним из мемуаров, на которых основаны суждения Пайпса, оказываются воспоминания о чете Струве, оставленные в письме к коллекционеру П. И. Щукину поэтом П. В. Шумахером 15 июля 1885 г. «Бернарда Вас. Струве я знал юношей. В 1851 г. я был в Иркутске, где он доживал свой служебный термин. Потом он был губернатором в Перми. Оттуда его прогнали *за жену*; перевели в Астрахань и оттуда выгнали метлой *за губернаторишу*. Потом где он скитался — не знаю. <...> Он немецкий хлыщ, много пострадавший за свою жену, которая была моя невеста. Тогда она была нежное, воздушное существо, с вapéрами, идеалами и пр. Из нее вышла печка и стерва. <...> Она в Астрахани разъезжала с нагайкой, сопровождаемая полицеймейстером, и принимала доклады. Об этом было в свое время писано в газетах. <...> А сам Струве = 0»⁴³. Путаница в фактах (Шумахер, как видим, переставляет в обратном порядке астраханское и пермское назначения Струве) и чрезмерная экспрессивность письма заставляют усомниться в надежности свидетельства, хотя Шумахер, действительно, долго жил и работал в Сибири. Тем не менее не один лишь Шумахер дурно отзывался об этой женщине. Ссылный декабрист С. Г. Волконский писал в октябре 1854 г. своему зятю Д. В. Молчанову, что причиной «немилости» Муравьева к Струве стали «слабое управление с богатыми тузами, расходы свыше средств, вмешательство в дела жены его и взятки и интриги в Якутске»⁴⁴. В другом письме Волконский дополняет свои сведения, причисляя к виновным в «падении Струве» еще и его тещу⁴⁵. В том же

⁴¹ Пайпс Р. Струве. [Т. 1] Струве: левый либерал, 1870–1905. М., 2001. С. 18.

⁴² См.: Там же. С. 20.

⁴³ Письма и записки П. В. Шумахера П. И. Щукину, и стихи Шумахера // Щукинский сборник. Вып. VII. М., 1907. С. 186. Курсив источника.

⁴⁴ Цит. по: Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Вып. 1. Иркутск, 2011. С. 176.

⁴⁵ См.: Там же. С. 178. См. также с. 190, 201.

духе характеризовал семью Струве и Н. Д. Свербеев, также служивший у Муравьева: «Бедный Струве поплатился, и поделом, за то, что попал в команду к жене и теще, стал жить сверх своих средств, делать непозволительные долги и заважничался окончательно до того, что не чувствовал под собою земли, перессорившись со всеми... Не будь сварливой Струвихи и будь другим Струве — давно был бы губернатором»⁴⁶.

Косвенное подтверждение воспоминаний о плохой репутации «Струвихи» обнаружил и М. С. Альтман. Он разыскал пасквиль, опубликованный в 1860 г. в популярном юмористическом журнале «Развлечение», выпускавшемся Ф. Б. Миллером. Текст назывался «Письмо из провинции» и был написан от имени некоей Аграфены Шпицбубе (в девичестве *Розгиной*) из города Тмутаракани (он же Татарополь). Фамилия «Шпицбубе» — говорящая, с немецкого *Spitzbube* переводится как «озорник», «жулик», «плут». В дореволюционной России это было хорошо известное немецкое ругательство⁴⁷. Шпицбубе — жена тмутараканского губернатора *Балтазара Васильевича Шпицбубе* (сравни с *Бернгард Васильевич Струве*). В письме рисуется гротескный образ властной и самодовольной женщины, полностью отстранившей безвольного супруга от должностных занятий: «...я ему помогаю: распечатываю пакеты, просматриваю разные протоколы, отдаю чиновникам приказания, распределяю командировки, предназначаю к должностям, устраиваю благотворительные спектакли, лотереи, свадьбы и т. п. Мой муж слишком еще молод, чтобы один мог нести бремя своих обязанностей»⁴⁸. Храбрая и предприимчивая губернаторша лично руководит тушением *пожара*, но становится объектом насмешек неблагодарных и испорченных тмутараканцев, приславших ей заказанную из Петербурга пожарную каску, подписанную: «сеи шлем да предохранит от растопления драгоценный мозг г-жи Шпицбубе, сугубо нужный для административных и хозяйственных забот!»⁴⁹ В том же письме губернаторша благодарит узкий кружок своих друзей и единомышленников, противостоящих грубости общественного мнения. Их корреспондентка «Развлечения» именуется *шпицбубистами*.

Необходимо заметить, что «Развлечение» развивает уже готовые образы, возникшие впервые, по-видимому, на страницах «Искры» в январе 1860 г. В третьем номере журнала мишенью сатирической атаки становится некая *Анна Федоровна*, принявшая на свой счет «статью из города Т.», напечатанную в одном из прошлогодних номеров «Московских ведомостей». Рассерженная женщина приняла меры к тому, чтобы компрометировавший ее выпуск газеты был запрещен

⁴⁶ Цит. по: *Матханова Н. П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в. С. 153.

⁴⁷ См., например: *Хроника недавней старины: Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого.* СПб., 1876. С. 176.

⁴⁸ Письмо из провинции // *Развлечение.* 1860. №32. С. 386.

⁴⁹ Там же. С. 388.

к распространению в том городе, где она проживала. «По поводу всех этих статей редакция “Искры” получила письмо из города Татарополя, от госпожи Шпицбубе, урожденной Розгиной...»⁵⁰ В фельетоне «Искры» Аграфена Федоровна Шпицбубе поручает пресечь продажу газеты подполковнику Щучышеву и квартальному надзирателю Нагайке.

В дальнейшем супруги Шпицбубе становятся излюбленными жертвами «Искры» в течение всего 1860 г. Анекдоты с их участием становятся все более и более нелепыми: в № 21 за 3 июня Аграфена Федоровна, которую иронично уподобляют *Аспазии*, «с особенным интересом занимается распечатыванием казенных пакетов» и пишет за мужа резолюции⁵¹. При этом кипы казенных бумаг, которые находятся в распоряжении самого губернатора, годами остаются без движения и вывозятся «из дома Перикла» завернутыми в ковры⁵². Губернаторша продолжает преследовать какое-то ненавистное ей издание с карикатурами на нее: с этой целью она сжигает «неудобные» номера, одновременно разыгрывая годовой комплект журнала в лотерею в пользу сиротского приюта. Курьезный сюжет продолжает продолжение в № 31 от 12 августа. Комплект выигрывает какой-то гимназист и вслух возмущается тем, что из него изъяты те самые книжки, в которых помещались рисунки с Аграфеной Федоровной. В этом же фельетоне содержится красочный рассказ о том, как мадам Шпицбубе тушила пожар, а также о растратах в губернской больнице, неизвестно зачем выделившей огромную сумму на закупку чернослива. В № 34 от 2 сентября жена губернатора не упоминается, зато сам губернатор обвиняется в кумовстве и коррупции в связи с деятельностью все той же больницы⁵³. В № 24 от 24 июня встречаем монолог Аграфены Федоровны, почти дословно заимствованный «Развлечением»: «Он молод еще — кровь в нем сильно играет. Я стараюсь держать его в руках, чтобы не наделал шалостей. <...> Чтобы дурные люди как-нибудь не сбили его с толку — я ему строго внушила не подписывать ни одной бумаги без моего просмотра...»⁵⁴ С учетом того, что Татарополем и Тмутараканью в сатирических изданиях, как правило, называлась Астрахань, речь идет именно о Бернгарде и Анне Струве⁵⁵.

Имеются ли все же основания включать это колоритное семейство в круг прототипов фон Лембке? Учитывая службу Б.В. Струве чиновником по особым поручениям при Муравьеве, закономерно было бы

⁵⁰ Выдержки из памятной книжки старшего чиновника особых поручений «Искры» // Искра. 1860. 15 января, № 3. С. 34.

⁵¹ Нам пишут // Искра. 1860. 3 июня, № 21. С. 225.

⁵² Там же. С. 226.

⁵³ См.: Нам пишут // Искра. 1860. 2 сентября, № 34. С. 366–367.

⁵⁴ Нам пишут // Искра. 1860. 24 июня, № 24. С. 262.

⁵⁵ См.: *Альтман М. С.* Материалы по истории культуры и быта русских городов // Ученые записки Горьковского гос. университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Истории и филологии. Вып. 57. Горький, 1962. С. 198, 208.

соотнести его с Блюмом⁵⁶. Нельзя исключать, что сам Достоевский мог либо видеть Струве, либо слышать о нем еще в Петербурге, в докаторжный период. Дела и имя Н. Н. Муравьева были широко известны за пределами Восточной Сибири. В лучах этой известности мог греться и высокопоставленный подчиненный генерал-губернатора, не раз выполнявший ответственные поручения патрона. Скандальные публикации в «Московских ведомостях», «Искре» и «Развлечении» также доказывают, что фамилия Струве была на слуху, пусть даже под комической маской Шпицбубе — карикатура имеет успех лишь тогда, когда содержит черты сходства с предметом высмеивания. Одним словом, Достоевский и до 1871 г. имел множество поводов узнать и запомнить это имя. И все же, если наша догадка верна, решающее значение должны были иметь публикации Каткова. Несмотря на то что в передовицах «Московских ведомостей» имя пермского губернатора не называется, узнать его, конечно, не составляло труда.

Существуют ли в таком случае прямые параллели между сюжетом «Бесов» и пермской историей?

Да, и во множестве.

Конечно, едва ли Достоевский сознательно ориентировался на сатирический образ Аграфены Шпицбубе. И все же слухи об энергичной, амбициозной и неуступчивой губернаторше могли послужить материалом для создания героини «Бесов». В своем шаржевом виде Анна Струве взрослее (не только и не столько по возрасту), сильнее и настойчивее мужа. Она тянет его за собой, помогает делать карьеру (или думает, что помогает), прививает ему манеры и навыки «большого государственного человека». В «Бесах» читаем: «Собираясь к нам, Юлия Михайловна старательно поработала над супругом. <...> Ей хотелось перелить в него свое честолюбие...» (10, 244) Вскоре по прибытии в город губернаторша Лембке оспаривает неформальную власть Варвары Петровны и из местных либералов и радикалов пытается вербовать своего рода «шпицбубистов». Заветной мыслью Юлии Михайловны становится проведение в городе большого благотворительного праздника — газеты и журналы в свое время заостряли внимание на горячей любви Анны Федоровны к разного рода громким общественным мероприятиям. Как и *А. Ф.*, *Ю. М.* сталкивается с недоброжелателями и анонимными насмешниками. Вот что творилось в городе накануне благотворительного бала: «Город еще за две недели был начинен семейными анекдотами, которые все тотчас же переносились ко двору Юлии Михайловны нашими зубоскалами. Стали ходить семейные карикатуры. Я сам видел в альбоме Юлии Михайловны несколько в этом роде рисунков. Обо всем этом стало слишком хорошо известно там, откуда

⁵⁶ Интересно, что Р. Пайпс, ссылаясь на Достоевского, относит Струве к типу «несчастливых» немцев», т. е. уподобляет его опять-таки Блюму (см.: *Паїпс Р.* Струве. С. 18. Ср. 10, 280).

выходили анекдоты; вот почему, мне кажется, и выросла такая ненависть в семействах к Юлии Михайловне в самое последнее время. Теперь все бранятся и, вспоминая, скрежещут зубами. <...> всяк про себя и ожидал скандала; а если уж так его ожидали, то как мог он не осуществиться?» (10, 356)

Политические аппетиты госпожи фон Лембке в романе раскрываются вполне недвусмысленно, причем в одной из глав романа Достоевский не оставляет сомнений в своих источниках: «По ее настоянию были, например, проведены две или три меры, чрезвычайно рискованные и чуть ли не противозаконные, в видах усиления губернаторской власти. Было сделано несколько зловещих потворств с тою же целью; люди, например, достойные суда и Сибири, единственно по ее настоянию были представлены к награде. На некоторые жалобы и запросы положено было систематически не отвечать. Все это обнаружилось впоследствии. Лембке не только все подписывал, но даже и не обсуждал вопроса о мере участия своей супруги в исполнении его собственных обязанностей» (10, 269). Ср. у Каткова: «Губернское правление потеряло всякое значение. Исправники даже не отвечали на его запросы, а только посылали бумаги к губернатору. Постановления присутствия оставались без внимания. Губернское правление назначило, например, дознание о противозаконных действиях верхотурского исправника Митяшева, а ему в то же время дана награда вне правил. По делам оханского исправника Петрова губернское правление распорядилось произвести формальное следствие, а чрез несколько дней после того Петров получил орден. Губернское правление сделало семь выговоров красноуфимскому исправнику; но вместо привлечения его к ответственности по закону, он получил орден»⁵⁷. Юлия Михайловна демонстративным молчанием наказывает своего супруга «за ревнивую зависть его как градоначальника к ее административным способностям» (10, 338). Сам Андрей Антонович в трагикомической сцене решительного объяснения с женой открыто обвиняет ее, во-первых, в том, что именно ее самолюбие подавляет его способности и систематически разрушает его карьеру; во-вторых, в том, что Юлия Михайловна осмеливается *расщеплять* власть в губернии: «Это вы, вы, сударыня, вывели меня из прежнего состояния, я принял это место лишь для вас, для вашего честолюбия... <...> я при вас не имею способностей. Два центра существовать не могут, а вы их устроили два — один у меня, а другой у себя в будуаре, — два центра власти, сударыня, но я того не позволю, не позволю!!!» (10, 338) Наконец губернатор переходит к откровенно грубым выпадам, обращаясь к жене: «...бестолковая, но ядовитая женщина...» (10, 339)

Слова Андрея Антоновича о недопустимости двух центров власти, безусловно, пародируют дискуссию о границах губернаторских полномочий. В спорах фон Лембке с Верховенским, в его проникновенных

⁵⁷ Московские ведомости. 1871. 15 января, № 12 (*Собрание*, 32).

политических размышлениях, в его подозрениях и приказах несложно отыскать массу переключек с публикациями 1870–1871 гг. о злоупотреблениях в губерниях и будущем административных преобразований в России. Так, в минуту откровенности с Петром Степановичем губернатор без стеснения признается в том, что готов саботировать земскую реформу ради сохранения за собой властных прерогатив, хотя бы и *de facto*: «Пусть правительство основывает там хоть республику, ну там из политики или для усмирения страстей, а с другой стороны, параллельно, пусть усилит губернаторскую власть, и мы, губернаторы, поглотим республику; да что республику: все, что хотите, поглотим; я по крайней мере чувствую, что готов...» (10, 246) Риторика Андрея Антоновича явно выдает в нем горячего приверженца линии Валуева и Тимашева: «Я здесь прямо в глаза сказал: “Милостивые государи, для уравнивания и процветания всех губернских учреждений необходимо одно: усиление губернаторской власти”. Видите, надо, чтобы все эти учреждения — земские ли, судебные ли — жили, так сказать, двойственною жизнью, то есть надобно, чтоб они были (я согласен, что это необходимо), ну, а с другой стороны, надо, чтоб их и не было» (10, 246–247).

В своей монографии Л. И. Сараскина подробно и точно анализирует «философию власти» семейства Лембке. В представлении исследовательницы Андрей Антонович — типичный «верхний бес»: маленький человек, безыдейный авантюрист, самозванец, которого постепенно съедает жажда власти ради самой власти⁵⁸. Стиль управления фон Лембке сугубо имитационный: «...суть дела в обязательной нейтрализации любых усилий сверху, в железных правилах контригры»⁵⁹. Нельзя не согласиться с выводом Сараскиной, что «партия правителей», олицетворяемая фон Лембке, и «партия заговорщиков» в «Бесах» разделяют друг с другом ответственность за все творимое зло. Диалог между Верховенским и фон Лембке становится возможен как раз благодаря тому, что оба политических прохвоста являются в каком-то смысле зеркальным отражением друг друга⁶⁰.

При всей справедливости этих наблюдений, контекст, в котором возникают фигуры Андрея Антоновича и Юлии Михайловны, остается недостаточно раскрытым. Свой роман Достоевский помещал у Каткова в «Русском вестнике», и замысел произведения во многом оформлялся в русле тех споров, в которых принимали участие катковские издания. Безусловно, писатель не мимикрировал под программу Каткова и его окружения и не предлагал себя в глашатаи этой программы. И все-таки мы видим, насколько ценный, щедрый материал предоставили Достоевскому статьи «Московских ведомостей».

⁵⁸ См.: Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение. М., 1990. С. 267.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ См.: Там же. С. 273.

Дополнительное подтверждение этому тезису видим в финале спонтанной «политической исповеди» Лембке Верховенскому:

Я, знаете, уже заявил в Петербурге о необходимости особого часового у дверей губернаторского дома. Жду ответа.

— Вам надо двух, — проговорил Петр Степанович.

— Для чего двух? — остановился пред ним фон Лембке.

— Пожалуй, одного-то мало, чтобы вас уважали. Вам надо непременно двух (10, 246–247).

Требование Андрея Антоновича можно интерпретировать как пародию Достоевского на предложения усилить губернаторскую власть за счет полиции, т. е. опять-таки на слухи о проекте административно-полицейской реформы.

Наиболее ярко натура Андрея Антоновича раскрывается в «шпигулинской истории». До нашего времени неоспоримой считается версия Ф. И. Евнина, предположившего, что материалом для описания фабричных волнений в романе послужила история стачки на Невской бумагопрядильной мануфактуре в мае — июне 1870 г. Впрочем, как замечал литературовед, петербургские события в «Бесах» получают «весьма одностороннее и неполное отражение»⁶¹. Прежде всего, в роман не попала сама стачка. Причину этому Евнин усматривал в идеологической ангажированности Достоевского⁶². Речь, однако, может идти не об одном конкретном прототипе. И на «шпигулинскую историю» могли повлиять в том числе какие-либо волнения на уральских горных заводах. Тем более что поведение полицейского руководства и губернатора во время «шпигулинской истории» весьма напоминает действия пермских властей.

Напомним, какие события вызвали волнения фабричных: «Управляющий приступил к расчету работников и, как теперь оказывается, нагло мошенничал. Работники стали роптать, хотели расчета справедливого, по глупости ходили в полицию, впрочем без большого крика и вовсе уж не так волновались» (10, 270). Журналисты обвиняли пермское губернское начальство в том, что любой трудовой конфликт, который можно было бы разрешить по закону или доброй воле, трактовался исключительно как заговор и разгул анархии. «Вместо того чтобы настаивать на удовлетворении справедливых требований и тем прекращать замешательства, — писал Катков, — полиция раздувала волнения и немилосердно карала мнимых бунтовщиков»⁶³. Хроникер в романе Достоевского сталкивается с большой группой выборных

⁶¹ Евнин Ф. И. Примечания // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М., 1957. С. 750.

⁶² См.: Там же. С. 751. Этот вывод перекочевал в комментарий к ПСС₁ (12, 217) и в работы Л. И. Сараскиной (см., например: *Сараскина Л. И.* «Бесы»: роман-предупреждение. С. 50).

⁶³ Московские ведомости. 1871. 15 января, № 12 (*Собрание*, 36).

уполномоченных. И хотя герой-рассказчик пересказывает слухи о бунте, сам он признается, что в эти слухи не верит, а видит в «шпигулинских» простых русских людей, бредущих за справедливостью к «самому генералу» (10, 335–336). Далее повествователь шаг за шагом реконструирует, как «пустую, то есть обыкновенную, толпу просителю — правда, в семьдесят человек — так-таки с первого приема, с первого шагу обратили в бунт, угрожавший потрясением основ» (10, 337). Ответом на молчаливый мирный протест обокраденных рабочих стали полицейское оцепление, ругань и угрозы. При этом Антон Лаврентьевич высказывает проницательную догадку, снова «в пермском духе»: по его мнению, полицеймейстер Илья Ильич попросту «покумился» с алчным управляющим фабрикой и решил нарочно подыграть губернаторским подозрениям насчет таинственных прокламаций, дабы предохранить фабричное начальство от возможного разбирательства по существу. Примечательно, что Г-в вкладывает в голову полицеймейстера следующую мысль: «Как-нибудь отличиться в Петербурге хотят, <...> ну что ж, нам и на руку» (10, 337). Полицеймейстер считает, что губернатор ведет собственную игру, чтобы расширить полномочия или получить выгодную столичную должность.

«Шпигулинская история» становится кульминацией духовного перерождения (а точнее, вырождения) Андрея Антоновича. «— Шапки долой! — проговорил он едва слышно и задыхаясь. — На колени! — взвизнул он неожиданно, неожиданно для самого себя, и вот в этой-то неожиданности и заключалась, может быть, вся последовавшая развязка дела. <...> — Розог! — крикнул он еще неожиданнее» (10, 342). То, что случилось далее, вполне могло быть помещено в январские номера «Московских ведомостей»: массовая порка, случайные прохожие, ставшие жертвами распоясавшихся полицейских, скандальные корреспонденции петербургской прессы. Тревожным предвестием экзекуции, устроенной обезумевшим губернатором, становится обыск, произведенный у Степана Трофимовича чиновником Блюмом. На незаконные обыски (нередко переходившие в ограбления) жаловались и пермяки.

Следствием бесконечных скандалов, преследующих супругов Лембке по пятам и не оставляющих камня на камне от их репутации, становятся слухи о скорой *сенаторской ревизии*, которыми Г-в и Верховенский оgoroшивают Юлию Михайловну⁶⁴. И даже в самом финале повествования, после пожара, неудавшегося бала, гибели Шатова, Лебядкиных и Лизы, страх, гнев и смятение горожан отступают перед новым, «гоголевским» предчувствием *ревизора*: «...более всего в тот день говорили “о сенаторе”» (10, 509)⁶⁵.

⁶⁴ См.: 10, 381.

⁶⁵ Разработка сюжета о горожанах, ждущих приезда сенатора, в подготовительных материалах к роману: (10, 303; 317; 318; 322–324; 347; 348; 384; 399; 400).

Если Илья Ильич действовал по отношению к Лембке как тонкий провокатор, исподволь подводя губернатора к уверенности в мятеже, то куда откровеннее действовал другой, и куда более опасный его искуситель — Петр Верховенский. Верховенский прямо рекомендует Лембке поступить с возмущенными рабочими «по-старинному»: «Перепороть их сплошь, и дело с концом» (10, 272). Эта ремарка возвращает нас к реплике, которую в наброске сцены из записной тетради произносит Нечаев: «Кто это у них (в правительстве) умная голова, т. е. я бы ее поцеловал!» (11, 263) Если Верховенский, не удержавшись, бросает губернатору «...а все-таки вы нам прокладываете дорогу и приготавливаете наш успех» (10, 247) (фон Лембке, что характерно, смысла этой фразы не уловит), то Нечаев убежден: в правительственных кругах есть люди, заинтересованные в расшатывании государства не меньше, чем нигилисты.

Отыскать таковых не составляет труда. Вновь обратимся к статьям Каткова. Тема ревизии используется им не только для атаки на консервативное дворянство вообще, но и на одного из своих заклятых врагов — газету «Весть» и ее круг: «Пермские дела свидетельствуют, что вся наша администрация страдает недостатком серьезного контроля, а отнюдь не недостатком власти, как это утверждала покойная “Весть”. В некоторых уездах этой губернии “консервативные” идеалы “Вести” были вполне осуществлены, и население было поставлено чуть не в крепостное отношение к губернатору и исправникам, но именно здесь-то дошел до величайшего расстройтва административный механизм»⁶⁶.

Заявления Каткова о смерти газеты «Весть» были еще преждевременны — последний номер издания будет выпущен 24 апреля. И тема войны Каткова с редакцией «Вести» поистине неисчерпаема. Выделим главное для нашего исследования.

Газета «Весть», возникшая в 1863 г. из «Русского листка», издавалась В. Д. Скарятиним и Н. Н. Юматовым. Дейтельными сотрудниками печатного органа стали Н. А. Безобразов, Г. Б. Бланк, Н. Б. Герсеванов, А. М. Бердяев, В. А. Соллогуб. Идеино близким автором стал для редакции «Вести» В. П. Орлов-Давыдов. Публиковался в «Вести» и министр государственных имуществ А. А. Зеленой. В негласные союзники газеты зачислялся и П. А. Валуев⁶⁷. Издатели и авторы газеты стремились стать выразителями мнений так называемой дворянской олигархии — крупных помещиков, которых крестьянская реформа поставила перед необходимостью заново выяснить свое место в общественной жизни. Впрочем, такой характеристики будет явно недостаточно. Позиция газеты по целому ряду вопросов оказалась нетипичной ни для левого,

⁶⁶ Московские ведомости. 1871. 16 января, № 13 (*Собрание*, 37).

⁶⁷ См.: *Гросул В. Я., Итенберг Б. С., Твардовская В. А., Шацкило К. Ф., Эймонтова Р. Г.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 222.

ни для правого, ни для либерального лагеря, несмотря на то что «вестевцы» подчеркивали лояльность имперской власти и заявляли себя консерваторами, охранителями. Надо полагать, именно это идейное своеобразие предопределило неуспех издания: оно сливалось с общей массой реакционной прессы в глазах либералов и радикалов; но и для правых (в том числе для имперских националистов, к которым можно отнести и Каткова) «партия “Вести”» своей не стала.

Основополагающим пунктом идеологической программы «вестевцев» стало переосмысление общественной роли русской аристократии. Они последовательно ратовали за развитие институтов сословного политического представительства. «Аристократическая оппозиция» полагала, что такие правительственные меры, как освобождение крестьян и развитие земского самоуправления, требуют юридического противовеса в виде конституционных гарантий прав собственности и сословного парламента. Б. Э. Нольде заключал, что дворянский конституционализм в глазах многих помещиков представлялся выходом из «глубокого морального кризиса», охватившего землевладельческие круги после Манифеста 19 февраля. Превращение дворянского сословия в независимый от государства политический субъект, отстаивающий свои интересы, виделся разумным компромиссом между дворянством, государственной властью и остальным обществом.

Непосредственным отражением этих умонастроений стала публичная дискуссия между представителями консервативного и славянофильского лагеря в Московском дворянском собрании 9 января 1865 г. Заседанием был принят адрес на имя государя с изложением альтернативного взгляда на реформу. Как хорошо известно, Александр II отреагировал на поднесенную ему бумагу крайне неодобрительно. В рескрипте на имя министра внутренних дел П. А. Валуева, обнародованном 30 января 1865 г. в официальном органе министерства — газете «Северная почта», царь замечал: «Ни одно сословие не имеет законного права говорить именем других сословий. Никто не призван принимать на себя, перед Мною, ходатайство об общих пользах и нуждах государства»⁶⁸. «Magna Charta и *сoup d'état*, гордые норманны жмудского происхождения и Бисмарки петербургского, нотабли и 18-е Брюмера — все это поднялось и исчезло ровно в столько времени, сколько нужно писарю настрочить лист от заголовка до министерской подписи и вагону допариться от Петербурга до Москвы», — иронизировал по поводу неудавшейся инициативы Герцен⁶⁹. Не отставали от Герцена те, кто открыто поддерживал действия царского правительства: эффектно отражая критику крестьянской реформы справа, можно было одновременно

⁶⁸ Цит. по: Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений. Т. I. СПб., 1906. С. 127.

⁶⁹ Герцен А. И. Прививка конституционной оспы // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XVIII. М., 1959. С. 317.

защитить ее и от нападков слева, представив курс государства как воплощение умеренного, поступательного прогресса, сообразного со здравым смыслом и национальными интересами.

Вместе с тем представление о «партии “Вести”» как о попытке своего рода «сословного лобби» было бы однобоким. На первом месте для Скарятин и его соратников стояли права крупной собственности. Подлинный русский аристократ, беря пример с английского дворянства, должен скорее протянуть руку выдвинувшемуся честным трудом купцу или даже крестьянину, но не мелкопоместному или безземельному дворянину⁷⁰. Первенство в представительных органах пореформенной России должно принадлежать так называемой «естественной аристократии». Только она, в силу сознания собственных прав, будет готова отстаивать всеобщую свободу. «Да, милостивые государи, — провозглашал в своей речи Н. Н. Юматов, — высшее дворянство Англии постоянно несет на себе национальные *обязанности*. Оно фактически и юридически служит гарантией народной свободе и государственному порядку своей страны»⁷¹.

Вопреки ожиданиям редакции, ее соперники по консервативному лагерю оказались невосприимчивы к подобным теоретическим тонкостям. Довольно скоро за кругом газеты «Весть» закрепился ярлык «боярская партия»⁷², указывавший на стремление ее адептов навязать стране ненужные партийные конфликты. Встречаем это словосочетание и в записях Достоевского марта 1870 г. Князь (будущий Ставрогин) отводит от себя обвинение в убийстве Шатова и сам «разгадывает» причастность к этому преступлению Успенского (Виргинского) и Нечаева, о чем доносит Губернатору. «Вообще Князь все и открывает. Князь и говорит о боярской партии.

Некоторое время Княгиня⁷³ бредила о боярской партии и сошлась с Нечаевым, ибо нигилисты с боярами сходятся. Уверена, что и Князь боярин» (11, 101).

Идея *Geistesverwandtschaft* «бояр» и нигилистов с наибольшим ожесточением и настойчивостью проводилась в течение всех 1860-х гг. именно Катковым. Название одной из его передовиц в «Московских ведомостях» можно считать главным лозунгом его похода против «Вести»: «Нигилизм 61 и 62 года и консерватизм 66 года есть одна и та же сила»⁷⁴. Заметим, что для публицистов левого лагеря различия между органами «аристократической оппозиции», правого славянофильства и имперского национализма выглядели несущественными, а их

⁷⁰ См., например: *Саратовский корреспондент*. О равноправности избирателей (К вопросу о земских учреждениях) // Весть. 1863. № 12 (43), 27 октября. С. 15.

⁷¹ Юматов Н. Н. Политические интересы аристократии и дворянства // Русский листок. 1863. № 12, 24 марта. С. 217. Курсив источника.

⁷² См., например: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа [1869]. М., 2008. С. 236.

⁷³ Варвара Петровна Ставрогина.

⁷⁴ Московские ведомости. 1866. 18 ноября, № 243.

непрекращающаяся брань — нелепой: «“Весть” — газета консервативная, близкая по своим взглядам и стремлениям к “Московским ведомостям”, и мы до сих пор не можем понять, из чего спорят, что делят между собой эти Орест и Пилад»⁷⁵.

Анализируя полемику вокруг «Вести», А. Э. Котов приходит к выводу, что за бесконечным жонглированием пугающими образами «красного» и «белого» нигилизма стоит противоречие между национальным и сословным консерватизмом⁷⁶. Для славянофилов, панславистов и националистов требования «Вести» представлялись прямой угрозой реформаторскому курсу: Россия, по их мнению, нуждалась в преодолении сословных перегородок и решении глобальных духовных и цивилизаторских задач (интеграция Польши, Северо-Западного и Остзейского края; освобождение южных славян из-под гнета Османской империи; защита интересов славянства в Центральной Европе; моральное и интеллектуальное противостояние культуре католического Запада). «Партия “Вести”» видела в этих проектах наступление на права собственности, неуместное и опасное заигрывание с толпой и внешнеполитический авантюризм. Так полемика вокруг сословного представительства переросла в разговор о культурной идентичности⁷⁷. Силы спорящих сторон были, однако, заведомо неравны: курс «Вести» оказался слишком легкой мишенью для критики.

Отстаивание ценностей и традиций старой аристократии не было понято даже в среде самого дворянства, значительная часть которого энергично включалась в работу земств. Скарятинское кредо — «в России весьма много народностей, но *собственность одна*»⁷⁸ — сделало газету легкой добычей для оппонентов и в период «усмирения» Польши в 1863 г. Последовательно защищая помещичью собственность, «Весть» пыталась оппонировать плану русификации западных окраин, разработанному Н. А. Милютиным и М. Н. Муравьевым. Ход крестьянской реформы в западных губерниях был ускорен: обязательные выкупные платежи были понижены, а подготовка уставных грамот была поручена пришлым чиновникам из Министерства финансов. Тем самым Муравьев и его преемник в Вильне К. П. Кауфман пытались поставить русификацию на популистскую основу. «Антипомещичья политика в Польше и Западном крае, проводимая Н. А. Милютиным и его командой, по мнению “Вести”, грозила вызвать крестьянские волнения

⁷⁵ Полемические приемы «Московского вестника» // Дело. 1869. № 12, Декабрь. Современное обозрение. С. 55.

⁷⁶ См.: Котов А. Э. «Белый нигилизм» в русской консервативной публицистике второй половины XIX — начала XX в. // Тетради по консерватизму. 2017. № 2. С. 68–75.

⁷⁷ См.: Христофоров И. А. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 274.

⁷⁸ Весть. 1863. № 12 (43), 27 октября. С. 18. Курсив источника.

в великорусских губерниях. Этой позиции нельзя отказать в реалистичности», — пишет в своей работе В. В. Ведерников⁷⁹.

Излишне говорить, что подобные выступления по горячим следам шовинистического подъема поставили «бояр» в чрезвычайно уязвимое положение: завязтые крепостники, поставившие классовые привилегии выше нации и веры, да еще и с сановными покровителями — что может быть опаснее! В. В. Ведерников подробно останавливается на слухах о Валуеве как о гаранте «аристократической оппозиции» в верхах⁸⁰. 11 октября 1866 г. Валуев записывает в дневнике, что «дал предостережение» «Вести» за очередную статью против генерал-губернатора Северо-Западного края К. П. Кауфмана «и дал его весьма кстати, потому что наши государственные татары уже приписывали ее моему влиянию»⁸¹. Несмотря на подчеркнутое стремление дистанцироваться от пресловутой «боярской партии», Валуев одним из первых начал бороться с крайностями русификаторской политики на северо-западе империи⁸². Таким образом, в своих напаках на «Весть» Катков мог метить не столько в Скарятину и его окружение, но и в предполагаемых «опекунов» «боярской партии» при дворе. Недаром он называл свою газету «случайным органом государственной деятельности»⁸³: в спорах с малопопулярным олигархическим изданием открывался новый фронт борьбы за политическое влияние.

С других позиций вел наступление на «бояр» Аксаков. Для вождя славянофилов одной из наиболее отвратительных черт идеологии «Вести» был ее принципиальный, нарочитый антиэгалитаризм. «Публицист “Вести” и ему подобные не хотят знать в Западном крае ни русских, ни поляков, видят только низшие и высшие классы, — с плохо скрываемым раздражением писал Аксаков, — а что сочувствие их везде и всюду принадлежит *высшим* — это они объявляют и печатают постоянно. Мы же не хотим видеть там ни низших, ни высших классов, видим только русских, <...> и поляков или ополячившихся туземцев...»⁸⁴

⁷⁹ *Ведерников В. В.* Национальный вопрос в зеркале консервативной публицистики. Газета «Весть» // Исторические записки. 2006. №9 (127). С. 157. М. Д. Долбилов считает, что позиция «Вести» не ограничивалась узкосословным походом — авторы газеты вполне искренне отвергали ксенофобские мотивы русификаторов (см.: *Долбилов М. Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 495).

⁸⁰ См.: *Ведерников В. В.* Национальный вопрос в зеркале консервативной публицистики. С. 147. Ср., например, прозрачный намек на это в одной из передовиц Каткова: Московские ведомости. 1869. 11 января, №9 (*Собрание*, 31).

⁸¹ [*Валуев П. А.*] Дневники П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. Т. 2. М., 1961. С. 155–156.

⁸² См.: Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 251.

⁸³ [Письмо М. Н. Каткова Александру III, нач. 1882] // Вождь реакции 60–80-х годов // Было. 1917. Октябрь. №4 (26). С. 21.

⁸⁴ *Аксаков И. С.* Газета «Весть» о польско-западном вопросе [1864] // Аксаков И. С. Сочинения. Т. 3. Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. М., 1886.

«Весть» в долгу не оставалась. На подобные инвективы газета отвечала довольно эпатажными выпадами против традиции «народолюбия» и «мужикофильства». Одна из таких реплик заслуживает быть процитированной, поскольку в «Бесах» можно встретить неожиданный ее парафраз: «Мы не восклицали, вместе с Барбье и г. Аксаковым, в порывах поэтического восторга, о превосходстве той *grande populace*⁸⁵ и *sainte canaille*⁸⁶, той *великой черни*⁸⁷, о которой с таким благоговением отзываются эти два поэта-мечтателя. Мы никогда не обещали ей ни “берегов кисельных, ни рек молочных”⁸⁸; напротив, с грустью видели мы, как разные шарлатаны ухаживали за этою *grande populace*. <...> Для нас дегтярный запах не имеет никакой привилегии над *Ess bouquet*. Сермягу мы не посадим к себе в гостиную и с зипунами не станем пить сивуху»⁸⁸.

Сравним с разглагольствованиями Степана Трофимовича о свойствах русского мужика вскоре после объявления Манифеста 19 февраля: «Мы, как торопливые люди, слишком поспешили с нашими мужичками, — заключил он свой ряд замечательных мыслей, — мы их ввели в моду, и целый отдел литературы, несколько лет сряду, носился с ними как с новооткрытою драгоценностью. Мы надевали лавровые венки на вшивые головы. <...> Пора взглянуть трезвее и не смешивать нашего родного сиволапого дегтя с *bouquet del'imperatrice*» (10, 31–32). Последнее предложение в обращении явно указывает на объект пародии Достоевского.

Для нашего анализа эта находка имеет далеко идущие последствия: выходит, и «либерал-идеалист» сороковых годов, каковым предстает в романе Верховенский-старший, тоже в некоторой степени заражен духом сословной спеси, «боярским» ретроградством. В романе Антон Лаврентьевич Г-в поражается панике Степана Трофимовича во время «недоразумения» в Скворешниках: «Он кричал в клубе, что войска надо больше, чтобы призвали из другого уезда по телеграфу; бегал к губернатору и уверял его, что он тут ни при чем; просил, чтобы не замешали его как-нибудь, по старой памяти, в дело, и предлагал немедленно написать о его заявлении в Петербург, кому следует. Хорошо, что все это скоро прошло и разрешилось ничем; но только я подивился тогда на Степана Трофимовича» (10, 32). Верховенский-отец готов долгие годы «звать Русь к труду», «бить в набат», «стоять воплощенной

С. 364. Ср. со стихотворением Ф.И. Тютчева «Издателю газеты “Весть”» (1869): «Вы не родились поляком, / Но шляхтич вы по направлению, / И русский вы, сознайтесь в том, / По Третьему лишь Отделению. <...> Недаром вашим вы пером / Аристократии служили, / В какой лакейской изучили / Вы этот рыцарский прием?» (Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. Т. 2. М.: Классика, 2002. С. 194).

⁸⁵ великой черни (*фр.*)

⁸⁶ святого сброда (*фр.*)

⁸⁷ Курсив источника — И.К.

⁸⁸ Весть. 1863. № 12 (43). С. 17.

укоризной» и приветствовать отрепетированным возгласом отмену крепостного права. Но в ответственный момент «либерал-идеалист» с готовностью примыкает к «боярам», ничем, в сущности, не отличаясь не только от Варвары Петровны, но и от губернатора фон Лембке и даже от полицеймейстера Ильи Ильича.

Возвращаясь к супругам Лембке, можно процитировать еще одну показательную характеристику из черновиков Достоевского: «Лицо губернаторши. Губернаторша принадлежит к злокачественному разряду партии “Вести”. Консерваторша, принцип крупного землевладения. Из тех именно консерваторов, которые не прочь связаться с нигилистами, чтоб произвести бурду.

NB. Выискать про действия Холмской управы. Настраивает на подобные же действия мужа. Упомянуть не подробно, но точно и выяснить на примере. Подыскать пример о том, что делало Холмское земство» (11, 234).

Интерес Достоевского к трагическим событиям в Холмском уезде Псковской губернии в период работы над «Бесами» достаточно полно освещен в академическом комментарии к ПСС₁ (12, 356–357). Реакционно настроенные помещики, заполонив земское собрание и уездную управу, были уличены прессой в злонамеренном срыве аграрных преобразований: так, ими были искусственно взвинчены цены на землю и хлеб, чтобы как можно прочнее закабалить местных крестьян. Из статьи «Внутреннего обозрения» в июльском номере «Вестника Европы» за 1870 г. следует, что ради своих целей управа попросту сгноила в хранилище огромные запасы муки, не желая уступать ее вчерашним крепостным по нормальной отпускной цене. Голод, охвативший уезд, привел к эпидемии «возвратной горячки» (вероятно, имелся в виду возвратный тиф) в апреле 1869 г., обнищанию крестьянских хозяйств, росту преступности. Попытки земцев вмешаться в происходящее, помочь крестьянам, встречали ожесточенное сопротивление уездного дворянства, открыто оскорблявшего как «ленивых крестьян», так и тех, кто хотел оказать им поддержку. Тогда журнал «Вестник Европы» прямо отождествлял позицию Холмской управы с идеологией «Вести»: «Вместо всякой помощи, публицисты газеты “Весть” требовали “энергического побуждения к труду”, утверждая, что “крестьяне не умеют руководствоваться сознанием своих обязанностей”, и что “трубые народные массы без соответственных внешних побуждений (?) не в состоянии поднять бремя, которое возлагают на них условия вновь возникающего быта”»⁸⁹. Еще одна примечательная выдержка: «Холмское собрание уже давно заявило себя тем, что настаивало на необходимости распространить, сколь возможно, применение телесного наказания, вероятно видя в нем то “энергическое побуждение к труду”⁹⁰, которого

⁸⁹ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1870. Т. IV, №7. С. 334.

⁹⁰ Ср. «Вот уже двадцать лет, как я бью в набат и зову к труду!» (10, 33)

добивалась газета «Весть». Обличая крестьян в лености и тунеядстве, оно, вероятно в видах исправления, оставило на его <крестьянства> плечах все натуральные повинности и обложило крестьянские земли несравненно выше помещичьих»⁹¹.

Запись о делах Холмской управы сделана Достоевским в сентябре 1870 г., т. е. по свежим впечатлениям от статьи в «Вестнике Европы». Как видим, замысел писателя требовал ярких примеров аристократического самоуправства: сначала это были «холмские дела», а затем — «пермские».

Библиографический список

- Аксаков И. С.* Сочинения. Т. 3. Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. М., 1886. 844 с.
- Аксаков И. С.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. II. Славянофильство и западничество. СПб., 1891. 832 с.
- Альтман М. С.* Достоевский. По вехам имен. Саратов, 1975. 280 с.
- Альтман М. С.* Материалы по истории культуры и быта русских городов // Ученые записки Горьковского гос. университета им. Н. И. Лобачевского. 1962. Сер. Истории и филологии. Вып. 57. С. 193–228.
- Барсуков И. П.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. (Материалы для биографии). Кн. 1. М., 1891. 672 с.
- Безобразов В. П.* Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869. 641 с.
- [*Валуев П. А.*] Дневники П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. М., 1961. 422 с.
- Ведерников В. В.* Национальный вопрос в зеркале консервативной публицистики. Газета «Весть» // Исторические записки. 2006. №9 (127). С. 137–169. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1870. Т. IV, №7. С. 326–340. Вождь реакции 60–80-х годов (Письма Каткова Александру II и Александру III) // Былое. 1917. Октябрь. №4 (26). С. 3–32.
- Волконская М. Н.* Записки [Приложение] // Волконский С. М. О декабристах. Разговоры. М., 2019. С. 258–298.
- Выдержки из памятной книжки старшего чиновника особых поручений «Искры» // Искра. 1860. 15 января, №3. С. 34–35.
- Герцен А. И.* Собрание сочинений: в 30 т. М., 1954–1966.
- Горовой Ф. С.* Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961. 408 с.
- Государственные преступления в России в XIX веке: Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений. Т. I. СПб., 1906. 348 с.
- Гросул В. Я., Итенберг Б. С., Твардовская В. А., Шацилло К. Ф., Эймонтова Р. Г.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. 439 с.

⁹¹ Там же. С. 335.

- Гюго В.* Собрание сочинений: в 15 т. М., 1953–1956.
- Д.* Наши общественные дела // Отечественные записки. 1870. № 11. Современное обозрение. С. 61–87.
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 2011. 812 с.
- Долбилов М. Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. 999 с.
- Должиков В. А. М. А.* Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860-х гг.). Барнаул, 2018. 456 с.
- Долинин А. С.* Последние романы Достоевского: Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.; Л., 1963. 344 с.
- Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: в 10 т. М., 1956–1958.
- Дружинин Н. М.* Сенаторские ревизии 1860–1870-х годов (К вопросу о реализации реформы 1861 г.) // Исторические записки. 1966. Т. 79. С. 139–175.
- Западные окраины Российской империи. М., 2006. 605 с.
- Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1869 год. М., 1897. 836 с.
- Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1870 год. М., 1897. 812 с.
- Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1871 год. М., 1897. 863 с.
- Кибальник С. А.* Нечаевцы или петрашевцы? (О прототипах главных героев романа Ф. М. Достоевского «Бесы») // Неизвестный Достоевский. 2020. № 2. С. 119–141.
- Котов А. Э.* «Белый нигилизм» в русской консервативной публицистике второй половины XIX — начала XX в. // Тетради по консерватизму. 2017. № 2. С. 68–75.
- Матханова Н. П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века (конец 1830-х — середина 1860-х годов). Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. 255 с.
- Матханова Н. П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск, 1998. 427 с.
- Матханова Н. П.* Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск, 2010. 549 с.
- Нам пишут // Искра. 1860. 3 июня, № 21.
- Нам пишут // Искра. 1860. 24 июня, № 24.
- Нам пишут // Искра. 1860. 2 сентября, № 34.
- Нольде Б. Э.* Юрий Самарин и его время. Paris, 1926. 245 с.
- Оболенский Д. А.* Записки. СПб., 2005. 502 с.
- Пайнс Р.* Струве. [Т. 1] Струве: левый либерал, 1870–1905. М., 2001. 549 с.
- Письмо из провинции // Развлечение. 1860. № 32. С. 387–389.
- Полемические приемы «Московского вестника» // Дело. 1869. № 12, декабрь. Современное обозрение. С. 52–67.
- Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы. М., 1989. 431 с.
- Сажин Б. Б.* Религиозное движение «неплательщиков» в 60–80-е годы XIX века: жизнь в сакрализованном пространстве // Вестник Свято-Филаретовского института. 2019. № 32. С. 176–196.

- Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений: в 20 т. М., 1965–1977.
- Сараскина Л. И.* «Бесъ»: роман-предупреждение. М., 1990. 478 с.
- Саратовский корреспондент.* О равноправности избирателей (К вопросу о земских учреждениях) // *Весть*. 1863. № 12 (43), 27 октября. С. 14–16.
- Струве Б. В.* Воспоминания о Сибири, 1848–1854 гг. СПб., 1889. 180 с.
- Тот Ю. В.* Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2003. 489 с.
- Туган-Барановский М. И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. М., 1922. 428 с.
- Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. М., 2002–2004.
- Флеровский Н.* Положение рабочего класса в России. СПб., 1869. 494 с.
- Христофоров И. А.* Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. 367 с.
- Ч. Дореформенная губерния* // *Вестник Европы*. 1871. Т. V, № 10. С. 629–659.
- [*Шумахер П. В.*] Письма и записки П. В. Шумахера П. И. Щукину, и стихи Шумахера // *Щукинский сборник*. Вып. VII. М., 1907. С. 118–272.
- Шумилов М. М.* Местное управление и центральная власть в России в 50-х — начале 80-х гг. М., 1991. 218 с.
- Юматов Н. Н.* Политические интересы аристократии и дворянства // *Русский листок*. 1863. № 12, 24 марта. С. 215–218.

References

- Aksakov I. S. *Sochineniia* [Works]. Vol. 3. Pol'skii vopros i zapadno-russkoe delo. Evreiskii vopros. Moscow, 1886. 844 p. (In Russ.)
- Aksakov I. S. *Sochineniia* [Works]. 2nd ed. Vol. II. Slavianofil'stvo i zapadnichestvo. Saint Petersburg, 1891. 832 p. (In Russ.)
- Al'tman M. S. *Dostoevskii. Po vekham imen* [Dostoevsky. By the milestones of names]. Saratov, 1975. 280 p. (In Russ.)
- Al'tman M. S. *Materialy po istorii kul'tury i byta russkikh gorodov* [Materials on the history of culture and life of Russian cities]. In: *Uchenye zapiski Gor'kovskogo gos. universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Ser. Istorii i filologii*, iss. 67. Gor'kii, 1962. Pp. 193–228. (In Russ.)
- Barsukov I. P. *Graf Nikolai Nikolaevich Murav'ev-Amurskii po ego pis'mam, ofitsial'nym dokumentam, rasskazam sovremennikov i pechatnym istochnikam. (Materialy dlia biografii)* [Count Nikolai Nikolaevich Murav'ev-Amurskii from his letters, official documents, stories of contemporaries and printed sources. (Materials for biographies)], book 1. Moscow, 1891. 672 p. (In Russ.)
- Bezobrazov V. P. *Ural'skoe gornoe khoziaistvo i vopros o prodazhe kazennykh gornyykh zavodov* [Ural mining and the issue of selling state-owned mining plants]. Saint Petersburg, 1869. 641 p. (In Russ.)
- Ch. Doreformennaia guberniia [Pre-reform province]. *Vestnik Evropy*, 1871, vol. V, no. 10, pp. 629–659. (In Russ.)
- D. Nashi obshhestvennye dela [Our public affairs]. *Otechestvennye zapiski*, 1870, no. 11, pp. 61–87. (In Russ.)

- Danilevskii N. Ia. *Rossii i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, 2011. 812 p. (In Russ.)
- Dolbilov M. D. *Russkii kraj, chuzhaia vera: Etnokonfessional'naia politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian land, foreign faith: Ethno-confessional policy of the Empire in Lithuania and Belarus under Alexander I]. Moscow, 2010. 999 p. (In Russ.)
- Dolinin A. S. *Poslednie romany Dostoevskogo: Kak sozdavalis' "Podrostok" i "Brat'ia Karamazovy"* [Dostoevsky's last novels: How "The Teenager" and "The Brothers Karamazov" were created]. Moscow; Leningrad, 1963. 344 p. (In Russ.)
- Dolzhikov V.A. *M.A. Bakunin v natsional'no-regional'nom politicheskom protsesse epokhi "otpepli" (rubezh 1850–1860-h gg.)* [M.A. Bakunin in the national-regional political process of the "thaw" era (the turn of the 1850s–1860s)]. Barnaul, 2018. 456 p. (In Russ.)
- Dostoevskii F. M. *Sobranie sochinenii* [Works]: in 10 vols. Moscow, 1956–1958. (In Russ.)
- Druzhinin N. M. *Senatorskie revizii 1860–1870-kh godov (K voprosu o realizatsii reformy 1861 g.)* [Senatorial revisions of the 1860s–1870s (On the implementation of the 1861 reform)]. *Istoricheskie zapiski*, 1966, vol. 79, pp. 139–175. (In Russ.)
- Flerovskii N. *Polozhenie rabocheho klassa v Rossii* [The situation of the working class in Russia]. Saint Petersburg, 1869. 494 p. (In Russ.)
- Gertsen A. I. *Sobranie sochinenii* [Works]: in 30 vols. Moscow, 1954–1966. (In Russ.)
- Gorovoi F. S. *Padenie krepostnogo prava na gornyykh zavodakh Urala* [The fall of serfdom in the mining factories of Ural]. Perm, 1961. 408 p. (In Russ.)
- Gosudarstvennye prestupleniia v Rossii v XIX veke: Sbornik izvlechenykh iz ofitsial'nykh izdaniy pravitel'stvennykh soobshchenii* [State crimes in Russia in the 19th century: A collection of government communications extracted from official publications], vol. I. Saint Petersburg, 1906. 348 p. (In Russ.)
- Grosul V. Ia., Itenberg G. S., Tvardovskaia V. A., Shatsillo K. F., Eimontova R. G. *Russkii konservatizm XIX stoletii. Ideologiya i praktika* [Russian conservatism of the 19th century. Ideology and practice]. Moscow, 2000. 439 p. (In Russ.)
- Hugo V. *Sobranie sochinenii* [Works]: in 15 vols. Moscow, 1953–1956. (In Russ.)
- Iumatov N. N. *Politicheskie interesy aristokratii i dvorianstva* [Political interests of the aristocracy and nobility]. *Russkii listok*, 1863, no. 12, 24 March, pp. 215–218. (In Russ.)
- Katkov M. N. *Sobranie peredovykh statei "Moskovskikh vedomostei". 1869 god* [Collection of editorials of the *Moskovskiy Vedomosti*. 1869]. Moscow, 1897. 836 p. (In Russ.)
- Katkov M. N. *Sobranie peredovykh statei "Moskovskikh vedomostei". 1870 god* [Collection of editorials of the *Moskovskiy Vedomosti*. 1870]. Moscow, 1897. 812 p. (In Russ.)
- Katkov M. N. *Sobranie peredovykh statei "Moskovskikh vedomostei". 1871 god* [Collection of editorials of the *Moskovskiy Vedomosti*. 1871]. Moscow, 1897. 863 p. (In Russ.)
- Khristoforov I. A. *Sud'ba reformy: Russkoe krest'ianstvo v pravitel'svennoi politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-e gg.)* [The Fate of reform: do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-e gg.)].

- The Russian peasantry in government policy before and after the abolition of serfdom (1830–1890s)]. Moscow, 2011. 367 p. (In Russ.)
- Kibal'nik S.A. Nechaevtsy ili petrashevtsy? (O prototipakh glavnykh geroev romana F.M. Dostoevskogo “Besy”) [Nechaevtsy or petrashevtsy? (About the prototypes of the main characters of F.M. Dostoevsky’s novel “Possessed”)]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, 2020, no. 2, pp. 119–141. (In Russ.)
- Kotov A.E. “Belyi nihilizm” v russkoi konservativnoi publitsistike vtoroi poloviny XIX — nachala XX v. [“White nihilism” in Russian conservative journalism of the second half of the 19th — early 20th centuries]. *Tetrady po konservatizmu*, 2017, no. 2, pp. 68–75. (In Russ.)
- Matkhanova N.P. *Vysshaia administratsiia Vostochnoi Sibiri v seredine XIX veka (konets 1830-kh — seredina 1860-kh godov)* [The supreme administration of Eastern Siberia in the mid-19th century (late 1830s — mid-1860s)]: dissertation in History. Novosibirsk, 1999. (In Russ.)
- Matkhanova N.P. *Vysshaia administratsiia Vostochnoi Sibiri v seredine XIX v.* [The highest administration of Eastern Siberia in the mid-19th century]. Novosibirsk, 2002. 255 p. (In Russ.)
- Matkhanova N.P. *General-gubernatory Vostochnoi Sibiri serediny XIX veka: V.Ia. Rupert, N.N. Murav'ev-Amurskii, M.S. Korsakov* [Governors-General of Eastern Siberia in the mid-19th century: V. Ya. Rupert, N.N. Muravyov-Amursky, M.S. Korsakov]. Novosibirsk, 1998. 427 p. (In Russ.)
- Matkhanova N.P. *Sibirskaiia memuaristika XIX veka* [Siberian memoirs of the 19th century]. Novosibirsk, 2010. 549 p. (In Russ.)
- Nam pishut [They are writing to us]. *Iskra*, 1860, 3 Jun., no. 21. (In Russ.)
- Nam pishut [They are writing to us]. *Iskra*, 1860, 24 Jun., no. 24. (In Russ.)
- Nam pishut [They are writing to us]. *Iskra*, 1860, 2 Sept., no. 34. (In Russ.)
- Nol'de B.E. *Iurii Samarina i ego vremia* [Yuri Samarin and his time]. Paris, 1926. 245 p. (In Russ.)
- Obolenskii D.A. *Zapiski* [Notes]. Saint Petersburg, 2005. 502 p. (In Russ.)
- Paips R. *Struve*, [vol. 1] *Struve: levyy liberal, 1870–1905* [Struve: left liberal, 1870–1905]. Moscow, 2001. 549 p. (In Russ.)
- Pis'mo iz provintsii [The letter from the province]. *Razvlechenie*, 1860, no. 32, pp. 387–389. (In Russ.)
- Polemicheskie priemy “Moskovskogo vestnika” [Polemical techniques of the *Moscow Herald*]. *Delo*, 1869, no. 12, Dec., *Sovremennoe obozrenie*, pp. 52–67. (In Russ.)
- Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.*: in 9 vols., vol. 7. *Dokumenty krest'ianskoi reformy* [Russian legislation of the 10th–20th centuries. Documents of the peasant reform]. Moscow, 1989. 431 p. (In Russ.)
- Saltykov-Shchedrin M.E. *Sobranie sochinenii* [Works]: in 20 vols. Moscow, 1965–1977. (In Russ.)
- Sazhin B.B. Religioznoe dvizhenie “neplatel'shchikov” v 60–80-e gody XIX veka: zhizn' v sakralizovannom prostranstve [The religious movement of “non-payers” in the 60s–80s of the 19th century: life in a sacred space]. *Vestnik Sviato-Filaretovskogo instituta*, 2019, no. 32, pp. 176–196. (In Russ.)
- Saraskina L.I. “Besy”: roman-preduprezhdenie [“Possessed”: a warning novel]. Moscow, 1990. 478 p. (In Russ.)

- Saratovskii korrespondent. O ravnopravnosti izbiratelei (K voprosu o zemskikh uchrezhdeniakh) [On the equality of voters (On the issue of *zemstvo* institutions)]. *Vest'*, 1863, no. 12 (43), 27 Oct., pp. 14–16. (In Russ.)
- [Shumakher P.V.] Pis'ma i zapiski P.V. Shumakhera P.I. Shchukinu, i stikhi Shumakhera [Letters and notes of P.V. Schumacher to P.I. Shchukin, and poems of Schumacher]. In: *Shchukinskii sbornik*, iss. VII. Moscow, 1907. Pp. 118–272. (In Russ.)
- Shumilov M. M. *Mestnoe upravlenie i tsentral'naia vlast' v Rossii v 50-kh — nachale 80-kh gg.* [Local government and central power in Russia in the 1950s — early 1980s]. Moscow, 1991. 218 p. (In Russ.)
- Struve B. V. *Vospominaniia o Sibiri, 1848–1854 gg.* [Memories of Siberia, 1848–1854]. Saint Petersburg, 1889. 180 p. (In Russ.)
- Tiutchev F. I. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters]: in 6 vols. Moscow, 2002–2004. (In Russ.)
- Tot Iu. V. *Reforma uezdnoi politsii v pravitel'stvennoi politike Rossii v XIX veke* [Reform of the district police in the government policy of Russia in the 19th century]: Dissertation in History. Saint Petersburg, 2003. 489 p. (In Russ.)
- Tugan-Baranovskii M. I. *Russkaia fabrika v proshlom i nastoiashchem. Istoricheskoe razvitiie russkoi fabрики v XIX v.* [Russian factory in the past and present. Historical development of the Russian factory in the 19th century]. Moscow, 1922. 428 p. (In Russ.)
- [Valuev P.A.] Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennikh del [Diaries of P.A. Valuev, Minister of Internal Affairs]: in 2 vols. Moscow, 1961. 422 p. (In Russ.)
- Vedernikov V. V. Natsional'nyi vopros v zerkale konservativnoi publitsistiki. Gazeta “Vest'” [The national question in the mirror of conservative journalism. Newspaper *Vest'*]. *Istoricheskie zapiski*, 2006, no. 9 (127), pp. 137–169. (In Russ.)
- Vnutrennee obozrenie [Internal review]. *Vestnik Evropy*, 1870, vol. IV, no. 7, pp. 326–340. (In Russ.)
- Volkonskaia M. N. Zapiski [Prilozhenie] [Notes [Appendix]]. In: Volkonskii S. M. *O dekabristakh. Razgovory*. Moscow, 2019. Pp. 258–298. (In Russ.)
- Vozhd' reaktsii 60–80-kh godov. [Pis'mo M. N. Katkova Aleksandru III, nach. 1882]. [Letter from M. N. Katkov to Alexander III, beginning of 1882. Leader of the reaction of the 60s–80s]. *Byloe*, 1917, Oct., no. 4 (26), pp. 3–32. (In Russ.)
- Vyderzhki iz pamiatnoi knizhki starshego chinovnika osobykh poruchenii “Iskry” [Excerpts from the memoir of a senior official on special assignments at *Iskra*]. *Iskra*, 1860, 15 Jan., no. 3, pp. 34–35. (In Russ.)
- Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii*. Moscow, 2006. 605 p. (In Russ.)